

Поиски продолжаются

После нескольких десятилетий изучения экономического роста что же действительно известно ученым-экономистам об экономической политике?

Лэнт Притчет

*Итак, я на полпути, переживший двадцатилетие,
Пожалуй, загубленное двадцатилетие меж двух войн,
Пытаюсь учиться словам и каждый раз
Начинаю сначала для неизведанной неудачи,
Ибо слова подчиняются лишь тогда,
Когда выражаешь ненужное, или приходят на помощь,
Когда не нужно.
— Т.С. Элиот, «Четыре квартета»*

СОВРЕМЕННАЯ теория экономического роста, основанная на модели Харрода–Домара, возникла в 1956 году с появлением известных работ Роберта Солоу, и в этом году ей исполнится 50 лет. Даже «новой» теории экономического роста, начало которой положили работы Пола Ромера, уже более 20 лет. Почему же многие экономисты считают уместным (хотя это и абсурдно с поэтической точки зрения) заменить «слова» на «исследования экономического роста» в

вышеприведенном рефрене Т.С. Элиота о его «полпути»? В настоящей статье приводится краткая ретроспектива и описание перспектив исследований в области экономического роста в трех частях: теория роста (старая и новая), эмпирические исследования роста (краткосрочного и долгосрочного) и пути дальнейшего развития. Через все три части проходит тема противоречия между логикой научных интересов и потребностями политика-практика. Типичный представитель директивных органов или советник, будь то политик или технократ, хотят знать вероятные последствия конкретных действий органов государственного сектора (не обязательно только мер политики) в пределах интересующего его временного горизонта. Если исследования экономического роста — это поиски возможности удовлетворить такую потребность, то этот путь еще далеко не пройден.

Теория экономического роста: старое и новое

Теория экономического роста (как мы ее понимаем) не имеет особого отношения к странам со слабо развитой экономикой, как и интересы стран со слабо развитой экономикой не сыграли сколько-нибудь существенной роли в ее разработке.
— Джон Хикс, «Капитал и экономический рост», 1965 год

После десятков блестящих (и тысяч дилетантских) работ по «новой теории экономического роста» трудно воскресить в памяти тот энтузиазм, с которым впервые приветствовался «эндогенный рост» в академических и политических кругах в начале 1980-х. В то время в теории роста по-прежнему преобладала модель Роберта Солоу, известная сегодня как модель «экзогенного роста», которая оказалась в тупике, и в серьезном тупике. К 1971 году Солоу мог написать, что все, что можно было сказать при помощи его модели роста, уже было сказано. И сказанное заключалось не в том, что ничего нельзя было сказать с определенностью, а в том, что со всей определенностью при помощи этой модели ничего невозможно было сказать. В соответствии с моделью (и всеми ее вариантами), равновесные темпы роста, или темпы роста производства на душу населения в устойчивом состоянии, определялись техническим прогрессом — но такие модели, по своему построению, не могли ничего сказать об определяющих факторах технического прогресса. Данный аспект часто понимается неправильно, но он очень важен для того, чтобы составить представление о том глубоком тупике, в который зашла эта область знаний, и, как следствие, какое бурное оживление вызвали новые теории роста.

В модели Солоу не предполагалось, что технический прогресс является экзогенным — то есть определяется вне рамок модели. Вместо этого в модели делались допущения, необходимые для построения модели экономики с динамическим равновесием — траектории, по которой в долгосрочной перспективе будет двигаться экономика. Из этих допущений следовало, что технический прогресс должен быть экзогенным по отношению к модели. Техническая проблема заключается в том, что допущения, необходимые для построения модели с равновесием, требуют, чтобы платежи за стандартные факторы производства — труда и капитала — в сумме были равны совокупному продукту. Ничего не остается для выплаты вознаграждения предпринимателям или новаторам. Но если при равновесии новаторам не из чего заплатить (с учетом допущений модели), то ничто — включая политику любого рода — не может повлиять на их стимулы к инновациям. Проблема согласования целенаправленной экономической инновации, которая приводит к более высокой производительности всех факторов (очевидно, что подобная инновация существует и является ключом к успеху капитализма), с формальными экономическими моделями (которые могли бы адекватным образом описать данное явление) существовала давно. Ее прямо признавали Йозеф Шумпетер и Фрэнк Найт, но именно четкая алгебра и выкладки Солоу выявили ее в полной мере.

Лучшие макроэкономические модели, относящиеся примерно к 1980 году, утверждали, что национальная политика может воздействовать на уровень доходов, но не в состоянии влиять на экономический рост в устойчивом состоянии.

Между тем, в рамках микроэкономического анализа секторных реформ — например, в области торговли, приватизации или в финансовом секторе, — были проведены оценки уровневых эффектов политических изменений, которые обычно составляли лишь незначительные доли ВВП. Такой союз — макроэкономики, в которой темпы долгосрочного роста определялись техническим прогрессом, не зависящим от национальной экономической политики, и микроэкономики, где реформы политики могли привести лишь к незначительному приросту уровней за счет повышения эффективности — был устойчивым, но все более и более неудачным. Союз был устойчивым, поскольку как макро-, так и микроэкономические результаты были не «допущениями», а технически определяемыми характеристиками соответствующих аналитических подходов.

В этот неудачный союз макро- и микроэкономического подходов вмешались модели новой теории экономического роста. Одна из причин неудачи этого союза носила полностью технический и внутренний характер для всей экономической науки: задача экономистов состояла в том, чтобы построить модель, которая включала бы как целенаправленную инновацию, так и устойчивое состояние. В работе Ромера (Romer, 1983) использовались современные методы моделирования «неконкурентного» равновесия (при котором платежи за факторы производства не составляют в сумме всей величины произведенного ими продукта), чтобы построить новые модели, которые достигали бы именно этой цели. Поскольку движущей силой инновации могут быть стимулы, в новом классе моделей национальная политика могла влиять не только на уровень дохода, но также и на темпы роста в стране в устойчивом состоянии — то есть на темпы очень долгосрочного роста.

Вторая причина неудачи союза макро- и микроподходов носила внешний характер: его неспособность объяснить очевидные факты экономической действительности (например, то, что уровни дохода действительно различались, по существу, на порядки), или служить руководством по вопросам политики. Поэтому идея (если не реальная техническая строгость) новых моделей роста быстро нашла применение в мире политики для обоснования реформ политики, исходя из их воздействия на экономический рост. Структурная перестройка как ответная реакция на отрицательные экономические потрясения подчеркнула потребность в восстановлении краткосрочной макроэкономической стабильности и увеличении темпов роста в надежде на то, что уровни дохода после потрясения и стабилизации будут намного выше.

Несмотря на то что вклад новых моделей роста во внутреннюю логику экономической науки носил долговременный характер, пора расцвета прямого применения новых моделей роста для целей политики в развивающихся странах закончилась сравнительно быстро. Практически все, что было связано с моделями роста первого поколения, не соответствовало потребностям разработчиков политики развивающихся стран. В новой литературе по экономическому росту основное внимание уделялось очень долгосрочной перспективе и стимулам к расширению границ технологических возможностей — что не было особенно полезно для большинства развивающихся стран, главный интерес которых был направлен на восстановление кратко- или среднесроч-

ных темпов экономического роста и ускоренное сокращение технологического разрыва за счет внедрения уже известных нововведений. В итоге, Хикс был не только прав, но и оказался пророческим в отношении бесполезности новых теорий роста для «интересов стран со слабо развитой экономикой».

Эмпирическое исследование экономического роста: краткосрочная и долгосрочная перспектива

*Я только что рассчитал четыре миллиона регрессий экономического роста.
— Ксавье Сала-и-Мартин*

Новая теория экономического роста и его эмпирическое исследование соотносятся друг с другом как молния и лесной пожар. Хотя вспышка молнии может вызвать пожар, куда он будет распространяться и сколько сожжет вокруг, определяется состоянием леса, а не источником огня. Новая теория роста узаконила программу исследований — в том числе регрессионный анализ экономического роста, — ориентированную на факторы, коррелирующие с национальными темпами роста, и эта работа вышла далеко за рамки породившей ее искры. В самом деле, в настоящее время почти все регрессии роста (хотя они и помещают рост производства в правую часть уравнения как переменную, которую следует объяснить) арифметически эквивалентны регрессиям «уровней», которые совершенно не зависят от новой теории экономического роста. Конечно, с точки зрения политики это не имеет особого значения. Имеет значение то, какие действия можно предпринять, чтобы подстегнуть более быстрый экономический рост в рамках рассматриваемого временного горизонта. Ответ на этот вопрос вообще не зависит от того, обеспечивает ли воздействие на рост повышение уровня устойчивого состояния (а потому является бесконечно большим воздействием на уровни) или оно оказывает всего лишь достаточно сильное воздействие на уровни, чтобы ускорить темпы роста.

В ходе своей эволюции регрессии роста смещались в сторону «краткосрочных» (с использованием методов регрессионного анализа панельных данных) или «долгосрочных» (восходящих к регрессиям по уровню дохода, что в конечном счете то же самое, что и темпы роста за наиболее длительный из возможных сроков). Рассмотрим эти два направления по отдельности.

Регрессионный анализ роста: краткосрочная перспектива. Регрессионный анализ роста оказался очень полезным для расширенного исследования коррелятов средне- и долгосрочного роста. Начиная с первых попыток регрессионного анализа экономического роста, в которых использовались единые структурные разрезы с темпами роста за периоды от 20 до 30 лет и обыкновенный метод наименьших квадратов,

и до современного применения панельных данных с темпами роста за 5 и 10 лет и более сложными методами оценки, литература по регрессионному анализу роста внесла свой вклад в накопление знаний о корреляции между темпами роста и различными переменными, как относящимися, так и не относящимися к экономической политике. Однако в конечном счете у регрессий как инструмента обоснования политики обнаружилось пять фундаментальных, если не фатальных, недостатков.

Во-первых, *регрессии роста так и не позволили удовлетворительным образом решить проблему «симптомов и синдромов»*. Они могли определить взаимосвязь между конкретными наблюдаемыми эмпирическими переменными («симптомами») и ростом, но лишь в редких случаях могли убедительно перейти от наблюдаемых связей к конкретным рекомендациям о том, как обращаться с фундаментальными причинами возникновения этих симптомов. Пусть, например, обнаружено, что высокие премии черного рынка связаны с более низкими темпами роста. Является ли это показателем того, что торговая политика является неверной, что существуют макроэкономические дисбалансы или что страна не в состоянии адекватно среагировать на негативные шоки в области торговли? Или это является лишь показателем общего функционального нарушения? Следовательно, хотя и было ясно, что существует некий фактор внешней политики страны, влияющий на рост и вызывающий синдром неверной ориентации на внутреннюю экономику даже после двух десятилетий либерализации торговли, видные ученые все еще обсуждают, что же это за фактор и как лучше с ним справиться.

Во-вторых, *регрессии роста рассматривались многими как источники таких оценок выгоды от реформ экономической политики, которые на несколько порядков больше микроэкономических оценок этих выгод — без какого бы то ни было убедительного экономического объяснения*. Как последовательно указывали теоретики торговли, например, Т.Н. Сринивасан и Джагдиш Бхагвати, обоснование торговой реформы с помощью регрессий экономического роста было, в самом деле, сомнительным делом, по сравнению с более строгими обоснованиями, которые уже имелись для этих реформ в теории и результатах эмпирических микроэкономических исследований. Литература по регрессионному анализу роста, исследовавшая область за областью (торговлю, налоги и расходы, финансы), сталкивалась с огромными трудностями в попытках согласовать имеющиеся фактические данные на микроэкономическом и макроэкономическом уровне.

В-третьих, *регрессии роста с большим трудом справлялись с трудностями, вызываемыми огромными различиями в опыте стран*. Выявление корреляции между объемом производства и какой-либо переменной, например, коррупцией, в среднем по ряду стран дает лишь самые начальные представления о проблеме. Является ли эффект пропорциональным измеренной определенной формой коррупции? Или он имеет с ней иное соотношение? Является ли этот эффект более сильным в демократических государствах, чем в недемократических? В более бедных, чем в более богатых странах? В более открытых, чем в менее открытых странах? Фактически регрессия роста представляет собой лишь грубое приближение, которое указывает на среднее воздействие коррупции, но не является источником той информации, в которой действительно нуждаются разработчики политики, — о конкретном ее воздействии в конкретной стране. Эта неспособность напрямую решить проблему различий между странами привела к тому, что по одному и тому же набору детерминантов роста (например, ориентации на внешний рынок) получались разные результаты в зависимости от выборки, периода, метода и других включенных в уравнение переменных, что

вызывало общий скепсис в отношении надежности регрессий роста в целом.

В-четвертых, *регрессии роста не могут предсказывать поворотные точки — ускорения или замедления*, — а нам известно, что темпы роста развивающейся страны имеют такие поворотные точки. Метод регрессионного анализа роста намного более эффективен для выявления более долгосрочных (30-летних и более) детерминантов роста, чем для прогнозирования очень краткосрочных факторов. Причина этого отчасти в том, что краткосрочная изменчивость множества детерминантов роста попросту слишком мала, чтобы играть существенную роль в объяснении динамики экономического роста. Например, хотя нет сомнений в том, что для долгосрочного развития жизненно важен человеческий капитал, его увеличение происходит столь постепенно, что может объяснить в лучшем случае 1 процент различий в темпах роста между странами за период в 5 лет. Как показывает недавно проведенное исследование эпизодов ускоренного роста, очень немногие поворотные точки ускоренного роста связаны с проведением реформ и немногие реформы связаны с периодами ускорения (Hausmann, Rodrik, and Pritchett, 2004).

В-пятых — что, возможно, вызывает наибольшие разочарования, — бытовало мнение (возможно, не вполне справедливое, но тем не менее широко распространенное), что *регрессии роста не помогли органам экономической политики предвидеть ни разочарований, ни неожиданностей, которые принес опыт 1990-х годов* (World Bank, 2005). В чем заключались разочарования 1990-х годов?

- Тяжесть и интенсивность международных и внутренних финансовых кризисов, которые прокатились через Восточную Азию, затронув страны, демонстрировавшие «чудеса» роста — Индонезию, Корею и Таиланд. Кроме того, финансовый и экономический взрыв в Аргентине после краха режима конвертируемости валюты. (Возможно, несправедливо требовать от теории роста прогноза кризисов, однако неприятной неожиданностью оказался тот факт, что страны, показывавшие высокие результаты в плане детерминантов роста, могли подвергнуться таким масштабным шокам.)

- Продолжительность, глубина и тяжесть спадов переходного периода в проводящих реформы бывших социалистических странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза.

- Слабость реакции экономического роста на реформы, особенно в Латинской Америке.

- Продолжающаяся стагнация в странах Африки к югу от Сахары, малочисленность случаев достижения успеха и очевидное ослабление оптимизма относительно «африканского ренессанса», и в результате этого — усталость от реформ, независимо от того, проводились они или нет.

Были также и приятные неожиданности. К ним относятся яркие случаи устойчивого быстрого роста, особенно во Вьетнаме, Китае и Индии; заметное улучшение экономических показателей благосостояния (особенно в области начального образования и здоровья детей), причем в некоторых случаях — невзирая на низкие темпы роста; устойчивости мировой экономики к стрессам.

Институты и объем производства: долгосрочная перспектива. Одно из важных направлений в литературе по экономическому росту вернулось к исследованию эмпирических факторов, определяющих уровень производства. В конце концов, поскольку в некоторый достаточно отдаленный момент времени в прошлом объем производства на душу населения во всех странах был примерно одинаковым, то современный уровень производства в этих странах также может служить оценкой их темпов очень долгосрочного экономического роста. В литературе этого направления,

начиная с ряда основополагающих работ — Hall and Jones (1999), Engerman and Sokoloff (2002) и Acemoglu, Johnson, and Robinson (2001), — подчеркивается, что основным определяющим фактором уровня дохода страны является качество ее институтов, или то, что Холл и Джонс назвали «социальной инфраструктурой». Выражение «господство институтов» (Rodrik, Subramanian, and Trebbi, 2004) указывает на значимость, придаваемую институтам как определяющим факторам роста.

Тот факт, что качество институтов влияет на уровень дохода и текущие темпы роста, представляет интерес. Но это понимание не обязательно дает полезную информацию разработчикам политики, учитывая, что ни у кого нет абсолютно четких представлений о путях улучшения качества институтов, и многие полагают, что качество институциональной системы определяется очень долгосрочными историческими процессами. Как сказал один экономист (имя которого останется неизвестным): «Представляется, что определение таково: политика — это то, что можно целенаправленно изменить, а институты — это то, что изменить нельзя».

Пути дальнейшего развития: состояния и переходы

*Ты не всегда получишь то, чего хочешь,
Но если очень постарайшься,
Можешь получить, что тебе необходимо.
— «Роллинг Стоунз»*

Учитывая серьезные неудачи исследований экономического роста, хотелось бы в заключение отметить новое направление будущих исследований. Поскольку ни мне (Pritchett, 2003), ни кому-либо другому не удалось подготовить полную и адекватную версию моего предложения (хотя Майкл Ежмановски сделал первые многообещающие шаги), моя позиция уязвима по отношению к критике, подобной высказанной Вольфгангом Паули, когда Вернер Гейзенберг заявил, что у него есть новая теория, которой недостает лишь технических деталей. Паули послал другу письмо с такими словами: «Это должно доказать миру, что я могу писать картины, как Тициан», и добавил небрежно нарисованный пустой прямоугольник с примечанием: «Недостает лишь технических деталей». Ключевая идея моего предложения состоит в том, что страны находятся в различных «состояниях», и потому динамика производства различна для стран в различных состояниях, а динамика переходов между состояниями отличается от динамики в рамках отдельных состояний.

Предположим, что у вас есть кувшин с водой, и вы поднимаете и переворачиваете его. Где окажется вода? То, что она прольется на землю, является настолько очевидным ответом, что проникательный читатель уже понимает, что это вопрос с подвохом. Если вода заморожена, она может остаться в кувшине, как и была. Если вода находится в состоянии пара, то при переворачивании кувшина пар будет удерживаться внутри него. Очевидный вывод заключается в том, что уравнения движения воды (или любого другого вещества) зависят от состояния — твердого, жидкого или газообразного, — в котором она находится. Что же определяет переходы воды из одного состояния в другое? Нагревание вызывает изменение состояния воды, но это изменение дискретно — вода при температуре 35°F и вода при 95°F ведет себя почти одинаково, тогда как вода при 32°F и при 102°F ведет себя абсолютно по-разному. Уравнения движения воды, которая находится в одном состоянии, совершенно не действуют, если вода находится в другом состоянии, и реакция воды на нагревание, производимое в рамках одного состояния, совершенно не соответствует реакции на нагревание при переходе из одной фазы в другую.

Теория экономического роста может рассматриваться как попытка формализовать уравнения движения совокупного объема производства, а эмпирический подход к росту может трактоваться как связанная с ней попытка оценить эти уравнения движения, включая «функции реакции на импульс», демонстрирующие, каким образом объем производства реагирует на различные шоки (например, изменение политики, институтов, географии, цен или технологии). Ответ на вопрос о том, «что происходит с ростом производства при снижении торговых барьеров или уменьшении инфляции», мог бы, в принципе, иметь единственный теоретический и эмпирический ответ. Если и Франция, и Непал могут рассматриваться как вода в жидком состоянии, то вероятно, что теоретические и эмпирические исследования роста, в которых Франция и Непал считаются странами одного рода, окажутся адекватными. Мне представляется гораздо более вероятным, что динамика экономического роста описывается уравнениями движения в рамках отдельных состояний и уравнениями, которые определяют переходы из одного состояния в другое.

Все эмпирические нормализованные факты в отношении экономического роста разных стран могут быть согласованы в рамках обобщающей модели с пятью состояниями (Pritchett, 2003). Каждое состояние характеризуется типичными для него темпами роста и уровнем дохода: промышленно развитое состояние (высокие доходы, стабильный рост) и «ловушка бедности» (низкие доходы, отсутствие роста) являются крайними точками, страны же с низкими и средними доходами могут находиться в трех других возможных состояниях: быстрая конвергенция, рост, не приводящий к конвергенции, и экономический крах. В пределах каждого из этих состояний может наблюдаться более или менее быстрый рост (например, во Франции может наблюдаться более или менее быстрый рост в рамках промышленно развитого состояния, в Колумбии может наблюдаться более или менее быстрый рост в рамках состояния роста, не приводящего к конвергенции), и применимы уравнения движения, соответствующие этому состоянию.

Переходы между этими состояниями определяются индивидуальной динамикой, и вероятности перехода из одного состояния в другое не равны между собой (вероятность перехода из состояния роста, не приводящего к конвергенции, к экономическому краху не равна вероятности перехода к быстрой конвергенции) и не обязательно симметричны (вероятность перехода в промышленно развитое состояние не такая же, как вероятность перехода из этого состояния в какое-то другое).

Это — исключительно масштабная программа исследования экономического роста, поскольку, в отличие от единой теории роста, она предполагает множество теорий роста (для каждого состояния) и теорий перехода (потенциально — одна

теория для перехода из каждого состояния в каждое другое состояние). В дискуссиях сторонников экзогенного и эндогенного роста речь шла, главным образом, об определении динамики развития страны, такой как США или Франция, в промышленно развитом состоянии, а не о том, как стране избежать «ловушки бедности» или даже вызывать всплеск экономического роста.

Такая программа также требует эмпирических исследований, которые начинаются не с предположения об оценке параметров единой системы уравнений движения, а с представлений о регрессиях роста как о первом описательном наборе частных корреляций при различных временных горизонтах, которые показывают характер взаимосвязей, сглаживающих более сложную динамику (объясняющую межстрановые различия и отсутствие устойчивости регрессий роста). Другими словами, если показатель коррупции ассоциируется с более медленным ростом, вызвано ли это тем, что коррупция снижает темпы роста в каждом состоянии, или тем, что коррупция увеличивает вероятность отхода от благоприятного состояния (например, из состояния быстрой конвергенции в состояние экономического краха) и снижает вероятность перехода в благоприятное состояние?

В процессе работы над этой масштабной программой исследований экономическая наука подойдет ближе к тому, чтобы дать разработчикам политики то, что им нужно: стратегию роста, которая соответствует их конкретной ситуации. Она будет сосредоточена на действиях, направленных на преодоление связывающих ограничений для движения страны из состояния, в котором она находится, в более благоприятное состояние (например, от экономического краха к росту, не приводящему к конвергенции, или из «ловушки бедности» к быстрой конвергенции). Выработать рекомендации по экономической политике на основании такой стратегии экономического роста будет гораздо сложнее, чем прочитать список мер политики, которые представляют собой частные корреляции в регрессии роста, и сказать: «делай так». Наконец, рекомендации должны соответствовать ситуации в стране и ее потенциалу и учитывать специфику ее текущего состояния в условиях ограниченных эмпирических данных, на которые можно опираться. Это означает, что разработка рекомендаций по экономической политике будет оставаться столь же искусством, как и наукой, но она будет стоить затраченных усилий, если разработчикам политики удастся получить то, что им необходимо. ■

Лэнт Пritchett — ведущий экономист-социолог в региональном представительстве Всемирного банка в Нью-Дели, Индия. Ранее он был лектором по государственной политике в Школе государственного управления им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета (сентябрь 2000 года – июль 2004 года).

